

Глеб Тригорин

Функциональный цикл

02.07.2019

За окном глубокая ночь. Дмитрий Сергеевич сидел за столом и внимательно смотрел на экран. Спать не хотелось. Новости из социальных сетей хоть на мгновения отвлекали от мрачных мыслей. Это праздное времяпровождение стало для него нормой. Работать как прежде, сочиняя статьи и рецензии, никому ненужные монографии, теперь не имело смысла. Всё кончено. Не сегодня, завтра, как писал поэт, надо будет собирать «бранные пожитки». «А может всё не так безнадежно? — мелькнула шальная мысль. — Ведь медицина не стоит на месте. Может отыщут какой-нибудь препарат, новую вакцину или появится народный целитель, шаман наконец. Нет! Нет! Нет! Никакого чуда не будет. Всё ясно как белый день. Да и поэт, со своим беспробудным пессимизмом, скорее всего переборщил. Неужели человек, будь он хоть тысячу раз грешен, нажил на этом свете лишь «бранные пожитки»? Несправедливо это».

Оторвав взгляд от ноутбука, Дмитрий Сергеевич посмотрел на часы. Было без четверти

четыре. Поднявшись со стула, подошёл к окну. Светало. Открыв окно, вдохнул свежий ночной воздух. Трель соловья, ворвавшись в комнату, разорвала тишину квартиры. «Жизнь, во всех своих проявлениях — это бесконечный цикл обновлений, который никогда не прекратится, — подумал профессор. — Человек ничем не лучше амёбы. У него такой же цикл, отмеренный природой. А жалкие попытки отдельной личности сломать это железное правило — лишь самообман, призванный скрасить её последние мгновения на этой грешной земле». Но от горьких сентенций не стало легче. Красноречие и образность мышления, которыми Дмитрий Сергеевич (в тайне) не раз восхищался, теперь звучали как приговор.

Почему-то вспомнил молодость. Милая, нежная девушка по имени Фрося с нескрываемым восхищением и любовью слушала его речи. Тонкий завиток её золотистых волос колечком свисал над самым ушком. Лучик света, упав на него, фонтаном искрящихся брызг разлетелся в разные стороны, на миг озарив всё вокруг. Тогда, Дмитрий Сергеевич, уже перспективный доцент кафедры психологии, легко владел вниманием и умами любой аудитории: будь то студенческая группа, коллеги по работе или собравшиеся гости на очередном торжестве. Ему всё давалось легко и непринуждённо. Все пророчили ему великое будущее, сравнивая чуть ли

не с Цицероном. Блестящий оратор, мыслитель должен был по праву занять достойное место в когорте людей, украсивших собой человеческую культуру. Дмитрий Сергеевич в глубине души не сомневался, что рождён на этот свет, чтобы совершить нечто неординарное. Такое, что навеки запечатлит его имя в скрижалях истории. Шли годы. Жизнь, наслаиваясь эпизодами на шампур словно маринованное мясо, текла вяло. А радужные грёзы юности так и осталась недостижимой мечтой.

Странное дело: чем ближе этот роковой день — тем меньше хочется возиться с повседневными делами. Обыденность уходит прочь. Но никаких помыслов о вечном нет. Так, отрывки, обрывки каких-то незначительных мыслей, воспоминаний. Пустое, бессмысленное созерцание окружающих предметов, явлений. Всю жизнь суетился, стремился к чему-то, часто идя на сделку со своей совестью, ловчил, подличал. Теперь всё это кажется таким несущественным, мелким и ничтожным. И главное — нет ни горечи, ни досады, а апатия и безразличие. Слава богу хоть не мучают боли по ночам. Иногда можно поспать.

За окном уже рассвело, и город проснулся. Звуки клаксонов, рёв автомобилей и шум людской толпы наполнили пустые улицы и проспекты. «Важнейшие вопросы мироздания: жизнь и смерть — ведь никто не может пройти мимо этого, —

продолжил рассуждения Дмитрий Сергеевич. — Рано или поздно каждому придётся испытать эту чашу до дна. Постой, ведь и в литературе многие писатели размышляли об этом. Да вот, русская классика — Толстой Лев Николаевич «Смерть Ивана Ильича». На минутку Дмитрий Сергеевич задумался: «Хоть и звучит на слух не так респектабельно, но всё же как-то соответствует печальной тематике рассказа». А «Скучная история» Чехова даже несёт в себе какую-то тайну, окрашенную некой романтической поволокой. У меня же всё буднично и неинтересно. Цикл и физиология. Нет ни таинства смерти, ни романтики смены миров. Словно клерк перекладывает очередную бумагу на своём столе. Грустно и душу жжёт понимание того, что очередную человеческую особь, мнившую себя когда-то чуть ли не пупом земли, просто закапают в грунт а сверху поставят стандартную надгробную плиту. Совершат ритуальные действия и разбредутся кто куда, позабыв, что жил на свете какой-то Дмитрий Сергеевич, который довольно сносно говорил и даже иногда мог произносить забавные речи. И лишь случайные прохожие на кладбище, мимоходом, чисто механически прочтут надпись на камне и пройдут дальше, тут же забыв фамилию и имя покойного. Ничего не останется, ничего. Только лёгкий ветерок, взметнув на мгновение

пыльное облачко, пронесётся мимо, и могильная тишина окутает всё вокруг.

Дмитрий Сергеевич, как это ни странно, постепенно привык к таким рассуждениям. Понимание того, что «никто не вечен под луной» стало для него аксиомой. Но осознание того, что пройдёт совсем немного времени, и он навсегда покинет этот мир, не давало ему покоя. Жизнь, во всём своём многообразии, буйстве красок и звуков, уже не будет улаживать его взор и слух. Такие мысли медленно и неумолимо точили его изнутри. Покинуть этот мир, не оставив после себя никакого заметного следа — это полная катастрофа, фиаско его жизни. «Для чего, спрашивается, тогда существовал на земле, чтобы только «небо коптить?» — частенько звучал в его сознании этот, казалось бы, риторический вопрос. Но ответов не было. А только бесконечная череда копаний в несвежем белье. Откуда то и дело выплывали и, совершенно некстати, совсем ненужные подробности и обстоятельства.

А тем временем за окном рассвело. Ярко светило солнце. Воробьи, громко чирикавая, занимались своими, только им понятными делами. Жизнь текла обычным, размеренным ходом. «Вот так и будет, — рассеяно глянув в окно, подумал Дмитрий Сергеевич. — Воробьи щебетать, солнце светить, а люди суетиться и строить друг другу